

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ МИРА

РОМАНЕНКО Вероника Борисовна,
кандидат юридических наук, декан юридического факультета
Таганрогского института управления и экономики

Вопрос о понятии и структуре политической системы в современной юридической науке является одним из актуальных и наиболее дискуссионных. Так, И.А. Иванников считает, что «политическая система общества - это совокупность отношений в системе государственных и негосударственных социальных институтов конкретного классового общества, осуществляющих определенные политические функции»¹. В.Я. Любашиц даёт более абстрактную дефиницию: «Политическая система, - пишет он, - это система взаимодействующих между собой норм и основанных на них политических институтов, учреждений, организующих функционирование политической власти»². С.Ю. Кашкин полагает, что политическая система – «это отношения, связанные с функционированием политической власти в обществе, концентрированным выражением которой является государственная власть»³. Для В.Д. Перевалова политическая система есть «комплекс институциональных образований, которые выявляют потребности и интересы социальных групп, формируют и организуют взаимодействие людей по осуществлению публичной власти на соответствующей территории»⁴. По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, «политическая система - это упорядоченная на основе права и иных социальных норм совокупность институтов (государственных органов, политических партий, движений, общественных организаций и т.п.), в рамках которой происходит политическая жизнь общества и осуществляется политическая власть»⁵.

Вариантом компаративистского определения политической системы может быть признана совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой идей, норм ценностей и традиций и основанных на них политических институтов, организаций, учреждений и действий, организующих политическую власть, особенности взаимодействия государства и общества, а также других субъектов политической жизни.

В классическом варианте институциональными компонентами политической признаются: государство, политические партии, профсоюзы, церковь и средства массовой информации. Вместе с тем А.В. Серёгин дополнительно выделяет четыре элемента политической системы: референдум, лоббистские группы, организованные преступные группировки и тайные общества.⁶

Думается, что лобби, мафиозные структуры и тайные организации должны считаться латентными компонентами политической системы, а референдум, выступая в качестве инструмента волеизъявления граждан, целесообразно заменить на категорию «народ».

Наряду с этим, народ является не только институциональным элементом политической системы, но и первичным и важнейшим субъектом народовластия, правда в научном мире до настоящего времени не существует единства в определении данной категории. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова термин народ рассматривается в четырёх значениях: 1) как население, объединённое принадлежностью к одному государству, жители страны; 2) как нацию, по этническим признакам; 3) основная масса людей противостоящих правящему классу; 4) некото-

¹ Иванников И.А. Теория государства и права. Ростов-н/Д, 2001. С. 157.

² Любашиц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И. Теория государства и права. Ростов-н/Д., 2002. С. 162.

³ Кашкин С.Ю. Политические отношения // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 4-х т. Т. 1-2. / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 1996. С. 206.

⁴ Перевалов В.Д. Политология. М., 2003. С. 121.

⁵ Матузов Н.В., Малько А.В. Теория государства и права. М.,

2004. С. 96.

⁶ Серёгин А.В. Стратегические императивы русской теории государства и права. Ростов-н/Д, 2007. С. 198, 207.

рая значительная совокупность индивидов.¹ М.И. Козлов рассматривает народ с позиции исторически сложившейся на определённой территории устойчивой совокупности людей с общими, относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также осознанием своего единства и отличия от других подробных образований, фиксируемого в самосознании.² Такой подход указывает на первичность народа по отношению к государству, представляющему собой политическую форму его управления. Поэтому для Л.С. Мамута народ есть устойчивая целостность коллектива, обретающего статус субъекта права, лишь воплотившись в государственной власти, которая может быть названа юридическим лицом народа.³

Кроме того, следует помнить, что в современных условиях понятие «народ» не тождественно его интерпретации до возникновения наций. В прошлом под народом понималось племя, союз племён либо этнос, представляющий «явления природы, обнаруживаемое ... через ощущение (отнюдь не сознание или самосознание), облекающееся в формы социальных институтов и определяемое, в каждом отдельном случае, через те или иные индикаторы: язык, традиции, религии, материальную культуру и т.п.»⁴. К числу таких народов относились древние славяне, тюрки, римляне, греки, шумеры, аккадцы, скифы и др. Универсальным же критерием для разграничения различных этносов выступает «стереотип поведения – особый поведенческий язык, который передаётся по наследству, но не генетически, а ... через механизм сигнальной наследственности, основанной на условном рефлексе, когда потомство путём подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно адаптивными навыками»⁵.

Примечательно, но Освальд Шпенглер отмечал, что понятие «народ», которое столь

широко применяется при описании событий прошлого, оказывается многозначным – на давнюю историю переносится нынешнее понимание, имеющее мало общего с минувшей реальностью.⁶ Так, историческое переселение народов вовсе не есть переселение прототипов нынешних народов. «Народы, как понимаем мы их сегодня, не странствуют, а то, что странствовало тогда, нуждается в чрезвычайно корректном наименовании, и не везде – одинаковом. ... Нет сомнения, что в этих сильных и простых людях существовал изначальный микрокосмический порыв к движению на широких просторах, поднимавшийся из глубин души, чтобы оформиться в страсть к приключениям, дух бродяжничества, одержимость судьбой, стремление к власти и добыче, в спящее томление, – какого мы теперь просто уже не можем себе представить – поступку, по радостной сече и героической смерти. Нередко же причиной служили внутренние распри и бегство от мести сильнейшего, однако в основе неизменно было нечто мужественное и сильное»⁷.

С современной точки зрения, народ как источник власти и носитель суверенитета может быть определён как большая группа людей или совокупность граждан, объединённая общностью территории, культуры, экономических связей и системой права.⁸ Народ может быть и полинациональным (например, Россия, США, Швейцария и др.). В этой связи, представляется весьма интересным постулат члена Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите национальных меньшинств профессор А. Эйде (Норвегия), что понятие «народ» тождественно понятию «демос», а не «этнос»⁹.

По мнению Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина, слово «народ» синонимично понятию «граждане»¹⁰. Но, по справедливому замечанию В.В. Хевсакова, в таком случае верховенство народа распадётся на верховенство отдельных граждан, что разрушит суверенитет, который

¹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004. С. 477.

² Козлов М.И. О классификации этнических общностей (Состояние вопроса) // Исследования по общей этнографии. М., 1997. С. 5-21.

³ Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М., 1999. С. 53.

⁴ Гумилёв Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 252.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 2. С. 166.

⁷ Там же.

⁸ Хевсаков В.В. Многонациональный народ Российской Федерации – субъект непосредственной демократии: проблемы теории // Государство и право. 2008. № 2. С. 96-97.

⁹ Там же.

¹⁰ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1993. С. 84.

един и неделим. В целях недопущения теоретико-методологических коллизий и парадоксов, он предлагает изучать народ в двух конституционно-правовых плоскостях. С одной стороны признавать народ в качестве публично-правового субъекта, состоящего из совокупности граждан, наделённых юридической правосубъектностью, а с другой – считать его идеальной сущностью, проявляющейся в деятельности представительных органов государственной власти.

«В настоящее время проблема определения границ народа тесно связана с основами государственного устройства, особенно в государствах с федеративной формой национально-государственного и административно-территориального устройства. И главный вопрос в данном контексте: состоят ли такие государства из многонационального народа или из целого ряда народов субъектов Федерации? Этот вопрос, в свою очередь, переплетается с концепцией суверенитета в федеративных государствах»¹.

Достаточно однозначна, эта проблема разрешена в Определении Конституционного суда РФ от 19 апреля 2001 г. «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. по запросу группы депутатов Государственной думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан»², отмечается: «Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника

власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета на республик, ни иных субъектов Российской Федерации»³. Это, в свою очередь, означает, что «Конституция Российской Федерации связывает суверенитет Российской Федерации, её конституционно-правовой статус и полномочия, а также конституционно-правовой статус и полномочия республик, находящихся в составе Российской Федерации, не с их волеизъявлением в порядке договора, а с волеизъявлением многонационального русского народа – носителя и единственного источника власти в Российской Федерации, который, реализуя принцип равноправия и самоопределения народов, конституировал возрождённую суверенную государственность России как исторически сложившееся государственное единство в её настоящем федеративном устройстве»⁴.

Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод, что современная политическая система с институциональной точки зрения базируется не на одном центральном компоненте – государстве, а на бинарном взаимодействии народа и публичного управления, в рамках единого механизма политического господства, включающего в себя церковь, профсоюзы, политические партии, средства массовой информации, лоббистские группы, мафиозные организации и тайные общества.

¹ Хевсаков В.В. Многонациональный народ Российской Федерации – субъект непосредственной демократии: проблемы теории. // Государство и право. 2008. № 2. С. 98.

² По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан. Определение Конституционного суда РФ от 19 апреля 2001 г. // СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 2059.

³ Там же.

⁴ Там же.